

Тэффи

Карусель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Т97

Т97 **Тэффи**
Карусель / Тэффи – М.: Книга по Требованию, 2022. – 206 с.

ISBN 978-5-519-78095-7

ISBN 978-5-519-78095-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Х

МАЛЯРЪ.

(Загадка бытія).

Тебѣ, пришедшему ко мнѣ на разсвѣтъ дня,
Тебѣ, озарившему мое тусклое время,
Тебѣ, рыжему маляру съ коричневой бородавкой,
Посвящаю я, благодарная, эти строки.

Онъ пришелъ, дѣйствительно, рано, часовъ въ девять утра.

Видъ у него былъ дѣловой, озабоченный. Говорилъ онъ вѣско, слегка прищуривалъ глаза и проникалъ взглядомъ до самаго дна души собесѣдника. Губы его большого рѣдкозубаго рта слегка кривились презрительной улыбкой существа высшаго.

— Аксиныя говорила—нужно вамъ двери покрасить. Эти, что-ли?—спросилъ онъ меня.

— Да, голубчикъ. Вотъ здѣсь, въ передней, шесть дверей. Нужно ихъ выкрасить красной краской въ цвѣтъ обоевъ. Понимаете?

Онъ презрительно усмѣхнулся.

—Я васъ очень понимаю.

И, прищуривъ глазъ, посмотрѣлъ на дно моей души.

Я слегка смутилась. Никто не любитъ, когда его очень понимаютъ.

— Такъ вотъ, не можете-ли вы сейчасъ приняться за дѣло?

— Сейчасъ?

Онъ усмѣхнулся и отвернулъ лицо, чтобы не обидѣть меня явной насмѣшкой.

— Нѣтъ, барыня. Сейчасъ нельзя.

— Отчего же?

Ему, видимо, непріятно было объяснять тонкости своего ремесла передъ существомъ, врядъ-ли способнымъ понять его. И, вздохнувъ, онъ сказалъ:

— Теперича десятый часъ. А въ двѣнадцать я пойду обѣдать. А тамъ, то да се, смотришь, и шесть часовъ, а въ шесть я должонъ шабашить. Приду завтра, въ семь, тогда и управлюсь.

— А вы хорошо краску подберете?

— Да ужъ будьте спокойны. Потрафимъ.

На другое утро, проснувшись, услышала я тихое пѣніе: «Послѣдній нонѣшній дене-очекъ!».

Одѣлась, вышла въ переднюю.

Маляръ мазалъ дверь блѣдно-розовой краской.

— Это что же, голубчикъ, вѣрно, грунтъ?

Онъ презрительно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, это не грунтъ, а окраска. Это ужъ такъ и останется.

— Да зачѣмъ же? Вѣдь, я просила красную, подъ цвѣтъ обоевъ.

— Вотъ эту самую краску вы и хотѣли.

Я на минутку закрыла глаза и обдумала свое положеніе. Оно было довольно скверное.

Неужели я вчера сошла съ ума и заказала розовыя двери?

— Голубчикъ,—робко сказала я.—Насколько мнѣ помнится, я просила красныя, а не розовыя.

— Это и есть красныя, только отъ бѣлилъ онѣ кажутъ свѣтлѣе. А безъ бѣлилъ, такъ онѣ совсѣмъ красныя были бы.

— Такъ зачѣмъ же вы бѣлила кладете?

Онъ смѣрилъ меня съ ногъ до головы и обратно. Усмѣхнулся и сказалъ:

— Намъ безъ бѣлиль нельзя.

— Отчего?

— Да оттого, что мы безъ бѣлиль не можемъ.

— Да что же: краска не пристанетъ или что?

— Да нѣтъ! Какое тамъ не пристанетъ. Гдѣ же это слыхано, чтобы масляная краска да не пристала. Очень даже вполне пристанетъ.

— Такъ красьте безъ бѣлиль.

— Нѣтъ, этого мы не можемъ!

— Да что вы, присягу, что-ли, принимали безъ бѣлиль не красить?

Онъ горько задумался, потряхнулъ головой и сказалъ:

— Ну, хорошо. Я покрашу безъ бѣлиль. А какъ вамъ не понравится, тогда что?

— Не бойтесь, понравится.

Онъ, тоскливо поднявъ брови и вдругъ, взглянувъ мнѣ прямо на дно души, сказалъ ѣдко:

— Сурику вамъ хочется, вотъ чего!

— Что? Чего?—испугалась я.

— Сурику! Я еще вчера съ понялъ. Только сурику вы никакъ не можете.

— Почему? Что? Почему же я не могу сурику?

— Не можете вы. Тутъ баканъ нуженъ.

— Такъ берите баканъ.

— А мнѣ за баканъ отъ хозяина буча будетъ. Баканъ восемь гривенъ фунтъ.

— Вотъ вамъ восемь гривенъ, только купите краску въ цвѣтъ.

Онъ вздохнулъ, взялъ деньги и ушелъ.

Вернулся онъ только въ половинѣ шестого, чтобы сообщить мнѣ, что теперь онъ «должонъ шабашиль», и ушелъ.

«Послѣдній нонѣшній дене-очекъ» разбудилъ меня утромъ.

Маляръ мазалъ дверь тусклой свѣтло-коричневой краской и посмотрѣлъ на меня съ упрекомъ.

— Это что же... грунтъ?—съ робкой надеждой спросила я.

— Нѣтъ-съ, барыня, это ужъ не грунть. Это та самая краска, которую вы хотѣли!

— Такъ отчего же она такая бѣлая?

— Бѣлая-то? А бѣлая она извѣстно отчего,—отъ бѣлилъ.

— Да зачѣмъ же вы опять бѣлилъ намѣшали? Красили-бы безъ бѣлилъ.

— Безъ бѣли-иль?—печально удивился онъ.—Нѣтъ, барыня, безъ бѣлилъ мы не можемъ.

— Да почему же?

— А какъ вамъ не пондравится, тогда что?

— Послушайте,—сказала я, стараясь быть спокойной.—Вѣдь, я васъ что просила? Я просила выкрасить двери красной краской. А вы что дѣлаете? Вы красите ихъ свѣтло-коричневой. Поняли?

— Какъ не понять. Очень даже понимаю. Слава Богу, не первый годъ маляріей занимаюсь! Краска эта самая настоящая, которую вы хотѣли. Только какъ вамъ нужно шесть дверей, такъ я на шесть дверей бѣлилъ и намѣшалъ.

— Голубчикъ! Да, вѣдь, она коричневая. А мнѣ нужно красную, вотъ такую, какъ обои. Поняли?

— Я все понялъ. Я давно понялъ. Сурику вамъ хочется, вотъ что!

— Ну, такъ и давайте сурику.

Онъ потупился и замолчалъ.

— Въ чемъ же дѣло? Я не понимаю. Если онъ дорого стоитъ, я приплачу.

— Нѣтъ, какое тамъ дорого. Гривенникъ фунтъ. Ужъ коли это вамъ дорого, такъ ужъ я и не знаю.

Онъ выразилъ всѣмъ лицомъ, не исключая и бородавки, презрѣніе къ моей жадности. Но я не дала ему долго торжествовать.

— Вотъ вамъ деньги. Купите сурику.

Онъ вздохнулъ, взялъ деньги.

— Только сурикъ надо будетъ завтра начинать. Поэтому теперь скоро обѣдъ, а тамъ, то да се, и шесть часовъ. А въ шесть часовъ я должонъ шабашить.

— Ну, Богъ съ вами. Приходите завтра.

«Послѣдній нонѣшній дене-очекъ»...

Онъ мазалъ дверь тускло-желтой мазью и торже-
ствовалъ.

— Я же говорилъ, что не понравится.

— Отчего же она такая свѣтлая?—спросила я, и смут-
ная догадка сжала мое сердце.

— Свѣтлая?

Онъ удивлялся моей безтолковости.

— Свѣтлая? Да отъ бѣлилъ же!

Я сѣла прямо на ведро съ краской и долго молчала.
Молчалъ и онъ.

Какой-то мыслитель сказалъ, что есть особая красота
въ молчаніи очень близкихъ людей.

«Онъ» очнулся первый.

— Можно кобальту къ ей подбавить.

— Кобальту?—чуть слышно переспросила я и сама не
узнала своего голоса.

— Ну, да. Кобальту. Синяго.

— Синяго? Зачѣмъ же синяго?

— А грязнѣе будетъ.

Я встала и молча вышла. А онъ пошелъ шабашить.

На слѣдующее утро я встала рано, раньше чѣмъ онъ
пришелъ. Пошла въ переднюю и стала ждать.

Было около шести утра. Меня слегка знобило, щеки
горѣли, и руки тряслись. Кажется, охотники на тетереви-
номъ току испытываютъ нѣчто подобное.

Наконецъ, онъ пришелъ.

Онъ шелъ, дѣловито сдвинувъ рыжія брови. Онъ несъ
большое ведро бѣлилъ.

— Стой!—крикнула я.—Это что?

— А бѣлила.

— Ставьте тутъ за дверь. Давайте краску сюда. Это
сурикъ?

— Сурикъ.

— Это баканъ?

— Бзканъ.

— Мѣшайте вмѣстѣ.

Онъ взглянулъ на меня, какъ смотрять на забравшаго власть идіота: «куражъся, молю, до поры, до времени». Несмотря поболталъ кистью.

— Видите этотъ цвѣтъ?—спросила я.

— Вижу. Ну?

— Ну, вотъ этимъ цвѣтомъ вы мнѣ и выкрасите всѣ шесть дверей.

— Ладно,—усмѣхнулся онъ.—А какъ вамъ не пондравится, тогда что съ вами заведемъ? А?

— Красьте двери этимъ цвѣтомъ, слышите?—твердо сказала я и вся задрожала.—Это я вамъ заказываю. Поняли?

— Ладно,—презрительно скривился онъ и вдругъ дѣловито направился къ ведру съ бѣлилами.

— Куда-а!—закричала я /не своимъ голосомъ.

Онъ даже руками развелъ отъ удивленія.

— Да за бѣлилами же!

Съ тѣхъ поръ прошла недѣля. Двери выкрасилъ другой маляръ, выкрасилъ въ настоящій цвѣтъ, но это не радуетъ меня.

Я отравлена.

Я цѣлые дни сижу одна и мысленно бесѣдную съ нимъ, съ рыжимъ, бородавчатымъ.

— Голубчикъ,—говорю я,—почему же вы не можете безъ бѣлилъ?

Онъ молчитъ, и жуткая мистическая тайна окутываетъ это молчаніе.

Ему,—о, слабое утѣшеніе!—ему, неизъяснимому, озадаченному странной загадкой мое тусклое время, непонятно зачѣмъ пришедшему, невѣдомо куда ушедшему, рыжему маляру съ коричневой бородавкой, посвящаю я эти строки.

И какъ передъ тайной, равной тайнѣ смерти, склоняюсь и благоговѣйно шепчу:

— Я ни-че-го не по-ни-ма-ю!

КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ.

Адвокатъ Недынинъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ заучивалъ свои рѣчи передъ зеркаломъ.

— Господа присяжные! Господа судьи! — надрывался онъ, разъярясь на собственное отраженіе, пучившее на него изъ зеркала круглые бѣлые глаза.—Господа судьи! Передъ вами жертва ростовщицы, такъ-сказать, паука въ юбкѣ!

Голосъ адвоката Недынина, гулкій и раскатистый, заставлялъ стономъ стонать весь домъ.

Жена, обвязавъ голову платкомъ, запиралась въ спальнѣ и молча ждала мигрени.

Въ кухнѣ кухарка говорила горничной, тяжело вздыхая:

— Нашъ-то опять свою обѣдню служить, чтобъ имъ всѣмъ перелопнуть.

Въ дѣтской маленькій Сережа надѣвалъ на голову дурацкій колпакъ и кричалъ во все горло:

— Господа присудные! Спереди паукъ!

Иногда жена, не выдержавъ пытки, распахивала дверь кабинета и кричала истерически:

— Господи! Развѣ вы не можете говорить вполголоса! Вѣдь, это же сплошное варварство вопить на весь домъ, какъ повѣшенный!

— Я не могу вполголоса, я долженъ слышать себя, какъ слѣдуетъ; только тогда я могу судить о своей рѣчи,—плавно отвѣчалъ адвокатъ и, откашлявшись, съ новой силой принимался за паука въ юбкѣ.

Такъ продолжалось пятнадцать лѣтъ. На шестнадцатомъ году онъ купилъ себѣ въ рассрочку диктофонъ.

Принесли машину вечеромъ, свинтили, показали. Адвокатъ ликовалъ. Въ этомъ пріятномъ занятіи помогали ему жена и братъ жены—честная, свѣтлая личность.

— Этакая прелесть!—восторгался адвокатъ.—Этакое удобство! Я прямо говорю свою рѣчь, затѣмъ нажимаю кнопку и слушаю ее со всѣми интонаціями и красотой переливовъ моего голоса! Слушайте! Слушайте!

Онъ нажималъ кнопку, и изъ рупора машины тихо хрипѣла продиктованная фраза.

— Господа присяжные! Господа судьи! Передъ вами жертва притонодержательницы, этого паука въ юбкѣ.

— Удивительно!—ликовала свѣтлая личность.—Интересно знать, что чувствовалъ Эдиссонъ, когда изобрѣталъ эту шпиковину?

— Дай, я что-нибудь спою,—предложила жена.—Интересно, какъ онъ пѣніе передастъ.

Но мужъ остановилъ строго:

— Это дѣловой аппаратъ; я не для ерунды...

Вошла горничная Гаша съ сонными, запухшими глазами:

— Я вамъ, барыня, не нужна? Такъ я спать пойду.

— Пойдите, Гаша, пойдите,—засуетился адвокатъ.—Посмотрите, какая штучка. Видали вы такую штучку?

Гаша сонно повела глазами:

— Нѣтъ, не видала.

— Еще бы! Въ деревнѣ у васъ такой нѣтъ!

— Нѣту въ деревнѣ,—не поспорила Гаша.

— А что я вамъ сейчасъ покажу! Вотъ, слушайте!

Онъ нажалъ кнопку, и рупоръ закричалъ:

— «... Госп... даа п...сяжные. Передъ вами жертва кассира, этого паука въ штанахъ».

— А что? Каково? Ха-ха!

Гаша тупо моргала.

— Подождите!—сказала свѣтлая личность.—Нужно

же ей объяснить, въ чемъ дѣло, а то она еще перепугается. Слушайте, Гаша. Вы, смотрите, не подумайте, что это нечистая сила, какой-нибудь чортъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Чорта, не къ ночи будь сказано, совсѣмъ не существуетъ; вы это знаете.

— Зачѣмъ же ты говоришь «не къ ночи будь сказано»,—остановила личность сестра.

— Ну, это я такъ, въ духѣ народнаго языка. Ну-съ, милая моя, итакъ, эта самая штукавина только съ перваго взгляда кажется хитрой, а на самомъ дѣлѣ...

— Постой, ты не такъ,—перебилъ адвокатъ.—Нужно сначала объяснить внѣшній видъ. Вотъ, Гаша, видите,—аппаратъ этотъ передвигается на колесикахъ, вотъ тутъ смазывается масломъ, здѣсь щеточка для обтиранія пыли...

— Погодите!—оборвала адвоката личность.—Вѣдь, ее поражаетъ не то, что надо пыль вытирать, а самый новый принципъ. Вотъ, слушайте, Гаша: случалось-ли вамъ когда-нибудь изслѣдовать внутреннее устройство фотографической камеры? При этомъ, навѣрное, вниманіе ваше привлекалъ объективъ, играющій роль преломляющаго хрусталика нашего зрительнаго органа. Такъ какъ...

— Нѣтъ, это слишкомъ сложно,—остановилъ его адвокатъ.—Нужно просто и ясно. Видали-ли вы, Гаша, когда-нибудь звѣзды? Поняли?

— Поняли,—вздыхнула Гаша.

— Ну-съ, итакъ, поднимая каждый вечеръ глаза къ небу, вы на что натыкаетесь?

— Да я что, я не натыкаюсь...

— Какъ не натыкаетесь? А на звѣзды? Вы натыкаетесь взоромъ на звѣзды первой величины, второй величины и такъ далѣе... Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что многія изъ этихъ звѣздъ уже давно погасли, но лучи ихъ, преодолевая міровое пространство,—понимаете?—дохо...

— Понимаемъ!—безнадежно вздохнула Гаша.

— Доходятъ до насъ...

— Подожди, подожди, дай мнѣ досказать!—не вы-

терпѣла свѣтлая личность.—У тебя нѣтъ навыка говорить съ народомъ. Ну-съ, Гаша, такъ вотъ, штуковина эта самая вмѣщаетъ въ себѣ тотъ-же принципъ по отношенію къ нашему слуху, какъ фотографическій аппаратъ по отношенію къ нашему глазу. Поняли?

— Поняли...

— Отлично. Теперь объясню дѣйствіе аппарата наглядно. Главное дѣло въ этой штуковинѣ, конечно, мембрана. Поняли?

— Поняли!—шепнула Гаша и закрыла глаза.

— Ну-съ, мембрана, это—очень простая штуковина. Главное то, что она колеблется. Поняли? Вибрація. Вотъ, примѣръ, если вы возьмете какую-нибудь пластинку и начнете на нее кричать разные слова, она, конечно, будетъ дрожать. Поняли? Ну-съ, а если потомъ, подъ вліяніемъ дѣйствія какой-нибудь энергіи, я заставлю ее такъ же дрожать, то вы, разумеется, начнете произносить тѣ же самыя слова, что вы произносили раньше. Что и требовалось доказать! Поняли?

Личность ухарски вскинула голову и хлопнула себя по бокамъ.

— Ну, что за глупости!—удивилась жена адвоката.—Очень мнѣ нужно повторять, что она тамъ надрожить! Нѣтъ, ты совсѣмъ не такъ объясняешь.

— Ахъ, голубушка, вѣдь это же принципъ!

— Подожди,—вмѣшался адвокатъ.—Дайте же мнѣ хоть слово сказать. Слушайте, Гаша, когда вы наблюдаете колебаніе эфира...

— Ну, что ты за вздоръ говоришь!—разсердилась жена.—Есть ей время заниматься ерундой. Подожди, не мѣшай, я сама объясню. Слушайте, Гаша, тутъ совсѣмъ нѣтъ ничего удивительнаго. Просто электричество. Вѣдь, зажигаете же вы лампочки по десять разъ въ вечеръ и не удивляетесь. Ну, значить, и тутъ нечего удивляться. А теперь можете идти.
